

A.V. Sergeev (Москва, Россия)

Творческая эволюция Йоханнеса Йоргенсена

Аннотация: В настоящей статье рассматривается идейно-творческая эволюция датского поэта-символиста, прозаика и теоретика искусства Йоханнеса Йоргенсена: от радикально-демократических убеждений юности, через пантеизм, веру в вечное, составивших основу его символистского искусства, к специфически христианскому способу мышления с присущей ему системой духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: творческая эволюция, радикально-демократический, пантеизм, символистское искусство, христианский способ мышления

A.V. Sergeev (Moscow, Russia)

Creative Evolution of Johannes Jorgensen

Abstract: This article examines the ideological and creative evolution of the Danish symbolist poet, prose writer and art theorist Johannes Jorgensen: from the radical democratic beliefs of youth, through pantheism, faith in the eternal, which formed the basis of his symbolist art, to the specifically Christian way of thinking, with its inherent system of spiritual and moral values.

Key words: creative evolution, radical democratic, pantheism, symbolist art, Christian way of thinking

Поэту, прозаику и литературному критику Йоханнесу Йоргенсену (1866–1956) принадлежит особое место в истории датской литературы. С его именем во многом связано возникновение датского символизма, оставившего яркий след в национальной литературе не только конца XIX, но и XX столетия.

Йенс Йоханнес Йоргенсен родился в небольшом провинциальном городке Свенборге в семье шкипера. Шестнадцатилетним юношей он приехал в Копенгаген готовиться к поступлению в университет. В 1884 г. Йоргенсен стал студентом философского, а спустя пару лет – естественного факультета Копенгагенского университета. Однако увлечение естественными науками продолжалось недолго. Так и не завершив университетский курс, Йоргенсен с головой окунается в литературную жизнь Копенгагена, сотрудничает в различных газетах и журналах, близко сходит-ся с такими же молодыми, как и он, писателями и художниками. В 1887 г. Йоргенсен дебютирует поэтическим сборником «Стихи», в следующем году публикует

небольшой по объему роман «Весенняя легенда», а в начале 1890-х гг. становится признанным главой датского символистского движения.

Выход Йоргенсена на литературную арену произошел в тот период времени, когда духовный подъем 1870–1880-х гг. сменился глубоким кризисом 1890-х. Возглавлявшееся Г. Брандесом радикально-демократическое движение «Современный прорыв» уже исчерпало свои созидательные возможности и постепенно сходило на нет. Заметную роль в духовной жизни Дании стали играть сочинения Сведенборга, Шопенгауэра и Ницше. В своем знаменитом эссе о Ницше, подводя неутешительные итоги деятельности «Современного прорыва», Г. Брандес писал: «Я обратился к Ницше потому, что художественная литература Скандинавии слишком долго питалась идеями прошлого десятилетия. Похоже, что способность улавливать гениальные идеи была утрачена. Мы все еще по-прежнему возимся со всякого рода премудростью: какими-то теориями наследственности, немного дарвинизма, немного атеизма, немного женской эмансипации, немного культа народа и т. п.»¹.

Мучительное чувство неудовлетворенности испытывал и Йоргенсен. Его духовный облик складывался в атмосфере 1870–1880-х гг., когда идеи естественно-научного материализма, вера в социальный и духовный прогресс, свободомыслие в вопросах морали владели умами молодого поколения.

Об умонастроении Йоргенсена в те годы дают представление его первые стихотворные опыты. Он упоминает о них в книге воспоминаний «Легенда моей жизни» (1913–1928), возникшей на основе почти ежедневных дневниковых записей и позволяющей детально проследить сложный путь его духовного и творческого развития. В стихотворениях с такими красноречивыми названиями, как «Голос титана» или «Кровь титана», молодого поэта вдохновляет бунт художнического «я» против существующего порядка, индивида – против общества, поэзии – против филистерства. В этом бунте новый радикализм все еще кровно связан со старой романтикой. О своем раннем художественном творчестве Йоргенсен пишет, что «оно было вполне в духе правоверного реализма 80-х годов»². Бурный энтузиазм молодого человека питали слова Стриндберга, с которыми он, вернувшись в 1884 г. на родину, обратился к встречавшим его на стокгольмском вокзале: «Когда я уезжал, в Швеции было едва можно дышать. Меня радует, что теперь мы все можем вздохнуть полной грудью»³. Эти слова Йоргенсен записал в своем дневнике и подчеркнул жирной линией. Для него, как и для прославленного автора «Красной комнаты», глубоко презиравшего мир буржуа, филистеров и клерикалов, радикальная переоценка ценностей, провозглашенная Г. Брандесом, казалась насущным велением времени. «В наших душах царило ликование, – пишет Йоргенсен, – мы верили, что все задачи будут разрешены и цепи падут. Мы надеялись, что христианству придет конец, возникнет республика, и освобожденное человечество испытает блаженство»⁴.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Йоргенсен сотрудничает в газете Э. Брандеса «Бёрстидене». Его статьи на политические темы – свидетельства об остром интересе к социалистическому движению. Долгие годы социализм оставался для Йоргенсена романтически окрашенной мечтой о справедливом обществе, призванном возникнуть на обломках современной буржуазной цивилизации⁵.

¹ *Falkenstjerne V. og Jensen B.* Haandbog i dansk litteratur. Bd. 3. København, 1955. S. 108.

² *Jorgensen J.* Mit livs legende. Forste bog. Den røde stjerne. København, 1916. S. 27.

³ *Ibid.* S. 100.

⁴ *Ibid.* S. 125.

⁵ Подр. об этом см.: *Frederiksen E.* Johannes Jorgensens ungdom. København, 1946. S. 105–114.

Вместе с тем из записей в книге воспоминаний, датированных теми же годами, можно получить представление и о совершенно другом Йоргенсене, разочарованном, усталом, утратившем интерес к жизни. В дневниковой записи от 21 сентября 1889 г. читаем: «Самым отвратительным из всего на свете я нахожу людей. К чему ведет эта грубость, это стремление все превратить в голод и похоть? Все становится безвкусным и уродливым. Словно все утонченное умерло вместе с Й.П. Якобсеном. Единственным предметом моей любви скоро останутся только звезды. Я мог бы поклоняться Ориону. Если бы не было звезд! <...> – О, Вечность! Вечность! – шумит в аллее...»¹.

Последние слова были навеяны Йоргенсену «Полночной песней» Ницше, и к ним мы еще вернемся. Сейчас же важно уяснить, чем обусловлено подобное «расщепление» личности молодого писателя на рубеже 1880–1890-х гг. По мнению критика Э. Скуюма-Нильсена, причина заключалась в том, что увлечение радикально-демократическими идеями не затронуло основ натуры Йоргенсена, и ностальгическая тоска по прошлому как раз и привела к расколу «между внутренним и внешним, между сентиментальностью и скептицизмом, между идиллией и действительностью»². Отчасти это так и было. И не случайно слово «Вечность» отозвалось в душе Йоргенсена «звоном колоколов детства»³. Но существовала и другая причина, о которой мы уже говорили: движение «Современного прорыва», утрачивая свои созидательные потенции, порождало, с одной стороны, культ анархического индивидуализма, опасный прежде всего своими моральными последствиями, а с другой – «серый реализм будней», натурализм литературных эпигонов. И то и другое вызывало у Йоргенсена сильный внутренний протест, вступая в противоречие с его одухотворенной натурой.

«Представление о том, что мир глубок, – пишет Йоргенсен в «Легенде моей жизни», – было тем обстоятельством, которое к 1890 г. разделило нас, двадцатилетних, и два предшествующих поколения. Ни Шандорф, ни Скрам, ни Банг, ни Понтопидан, ни Нансен не воспринимали ничего, кроме ближайшей реальности. Даже Драхману лишь иногда казалось, что существование не так-то просто, что жизнь – это загадка, чудо <...>. Но правоверный радикализм не допускал какого-либо рода ощущения бесконечности и мечты о вечной жизни: пожалуйста, живи “здесь” и “сейчас” и не допускай мысли о “там” и “всегда”»⁴.

Высказывание это знаменательно. В нем не только обнажается причина того сильнейшего душевного разлада, который на рубеже 1880-х – начала 1890-х гг. испытывал Йоргенсен, но и намечается перспектива его преодоления. Заключенная в «Полночной песни» мысль о том, что «мир глубок» и «всякая радость жаждет вечности, жаждет глубокой, глубокой вечности», оказалась для Йоргенсена важным побудительным мотивом к духовному обновлению. По справедливому замечанию датского исследователя К. Риместада, «вечность» для Йоргенсена в этот период стала волшебным словом, с помощью которого он «пытается заклинать злые силы жизни». Это его «временная, еще очень неопределенная форма божества, образец волшебного пантеизма»⁵.

И хотя Йоргенсен, как и Г. Брандес, остро чувствовал отсутствие нравственной основы в учении Ницше и никогда не разделял его нигилистских представлений в

¹ *Jorgensen J.* Mit livs legende. Anden bog. Taarnet. København, 1916. S.19.

² *Skyum-Nilsen E.* Johannes Jorgensen // Danske digtere i det 20. aarhundrede. Bd. 1. Kobenhavn, 1980. S. 66.

³ *Jorgensen J.* Mit livs legende. Anden bog. Taarnet. København, 1916. S.19.

⁴ *Ibid.* S. 20.

⁵ *Rimestad Chr.* Fra Stuckenbergs til Seedorf. Kobenhavn, 1922. S. 43.

области морали¹, тем не менее ницшевский религиозный мистицизм оказал на молодого писателя большое влияние. Он помог Йоргенсену разрешить внутренние противоречия, преодолеть духовный кризис и стал предпосылкой, говоря словами Э. Скюума-Нильсена, его «бунта во имя морали и личности против философии освобождения 80-х годов»². Добавим только – бунта метафизического. Стремлению к социальному освобождению личности Йоргенсен противопоставил поиск универсальных, вечных, управляющих этой личностью сил в иррациональной сфере Духа. Безусловная вера в высшую духовность за пределами реальной действительности, в потустороннее, в существование бессмертной души – все это легло в основу рассуждений Йоргенсена о новом искусстве, символизме, призванном, по его мысли, выразить крайне субъективное, эмоционально-религиозное переживание.

Рупором идей датского символизма стал литературно-художественный журнал «Башня» (1893–1894), вокруг которого объединились наиболее талантливые представители творческой молодежи. Помимо Йоргенсена, редактора журнала, в нем сотрудничали уже достаточно к тому времени известные писатели и критики В. Стуккенберг, С. Клауссен, С. Михаэлис, Х. Роде, художники М. Баллин, Й.Ф. Вилломсен, Л. Финн, Кр. Конгстад. Перед ними стояла задача заявить о себе как представителях нового поколения, которое пришло на смену писателям 1870–1880-х гг. С этой задачей блестяще справился Йоргенсен, выступивший на страницах журнала с серией литературно-критических статей, где были подведены итоги последних десятилетий и определен тот путь, по которому, как полагал автор, должна развиваться национальная литература.

В большой статье «Современная датская литература», опубликованной в «Башне» в декабре 1893 г., Йоргенсен выделяет в истории датской литературы два независимых друг от друга потока, один из которых берет свое начало в «полной чувства и искренности средневековой духовной традиции», в XVIII в. продолженной Й. Эвальдом, в XIX столетии развитой и обогащенной датскими романтиками, в первую очередь П. Мёллером и С. Киркегором (в их творчестве «датский дух поднимается до высот идеала»³), а другой – в «сатирическом реализме» норвежско-датского комедиографа Л. Хольберга, в XVIII в. нашедшего своего последователя в лице Й.Х. Весселя, в XIX в. отчасти – Л. Хейберга и главным образом Г. Брандеса: «Литература, которую он [Брандес. – А.С.] вызвал к жизни, была призвана правдиво и трезво изображать жестокую и холодную действительность. Датский народ, еще совсем недавно погруженный в грезы, в новой литературе, как в неподкупном зеркале, должен был лицом к лицу столкнуться с печальной правдой жизни»⁴.

Требование изображать действительность в ее подлинном виде, с которым Г. Брандес обратился к датским писателям после национальной катастрофы, поражения Дании в датско-прусской войне 1864 г., Йоргенсен называет «горьким, но целебным средством», обусловившим двойственный характер новой литературы: во-первых, ее пессимизм, с самого начала проявившийся в творчестве Й.П. Якобсена, Х. Банга, Х. Драхмана, Э. Брандеса, Х. Понтоппидана («темы их произведений – это истории загубленных жизней, судьбы страдающих героев, изгоев общества. Мрачное настроение, унылое повседневное существование задают тон в их книгах»⁵); во-вторых, радикальное бунтарство, связанное с представлениями

¹ *Beyer H. Nietzsche og Norden. Bd. 2. Bergen, 1959. S. 124.*

² *Skyum-Nielsen E. Johannes Jorgensen // Danske digtere i det 20. aarhundrede. København, 1980. S. 67.*

³ *Jorgensen J. Nutidens danske Litteratur // Taarnet. En antologi. Kobenhavn, 1966. S. 150.*

⁴ *Ibid. S. 152.*

⁵ *Ibid.*

об «идеальном будущем». В творчестве Й.П. Якобсена, например, «пессимизм оставляет немного ценностей, но в то же время распространение атеизма рассматривается как святое дело, которому герой его главного произведения [романа «Нильс Люне». – А.С.] отдает все свои силы»¹.

В датской литературе 1870–1880-х гг. Йоргенсен различает два поколения писателей. К старшему поколению, образующему «становой хребет датского реализма», он относит Й.П. Якобсена, Х. Драхмана, С. Шандорфа, Э. Скрама и Э. Брандеса, для которых «действительность – самое высокое, объективность – то, что они требуют от себя в первую очередь»². Время, в которое они творили, Йоргенсен называет «удивительным и великим»: «Преклонение перед природой и вера в прогресс, сочувствие угнетенным и ненависть к общественной лжи, демократия и социализм, поклонение искусству и прославление тенденциозности – все эти разнородные явления со всех сторон вливались бурным потоком в страну и переполняли восприимчивые души»³. Пессимизм этих художников слова коренился в социальных условиях, порождавших в них ненависть к ограниченному филистерскому обществу. «Глашатаями свободы во всех областях жизни» Йоргенсен называет поколение писателей, вышедшее на литературную арену в начале 1870-х гг. и в течение десяти лет сохранявших ведущее место в национальной литературе.

Появление второго, младшего поколения Йоргенсен связывает с некоторыми тревожными симптомами, свидетельствовавшими о внутренних противоречиях «движения 70-х годов», в частности с возникновением в нем наряду со значительными творческими индивидуальностями множества подражателей и эпигонов: «Лишь только было заявлено, что литература должна соотноситься с действительностью, как сразу же появилось огромное число писателей и писательниц, увидевших в художественном творчестве средство провозглашать полезные истины. Плодом их творения стали сухие сообщения на общественные темы, по необходимости облеченные в форму романа или новеллы. Эти литературные уродцы назывались проблемными книгами, и литературные критики неистово спорили не об их художественных достоинствах (таковых просто не было!), но об основательности представленных авторами воззрений. Ругали или хвалили книги только за их религиозную, политическую или социальную подоплеку. В результате появилось множество христианских и атеистических романов, новелл о женской эмансипации и пьес о проституции, реакционных стихов и прогрессивных комедий. Казалось, было все... Не было только поэзии»⁴.

В творчестве самых талантливых представителей «Современного прорыва» Йоргенсен отмечает проявление упадочнических настроений, явившихся следствием неразрешимого противоречия между мечтой и действительностью, желанием и невозможностью осуществить задуманное. У Й.П. Якобсена в «Нильсе Люне» противоречие между «волей и способностью» выражается «в страстном желании героя подчинить себе действительность и одновременно в недостатке сил сделать это»⁵. У писателей младшего поколения, среди которых особо выделяются Х. Банг и К. Гьеллеруп как «потомки Нильса Люне в первом колене», следствием этого противоречия становится мрачный тон повествования, накладывающий отпечаток декаданса на их художественное творчество. При этом «если

¹ *Jorgensen J. Nutidens danske Litteratur. København, 1966. S. 153.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. S. 154.*

⁴ *Ibid. S. 155–156.*

⁵ *Jorgensen J. Nutidens danske Litteratur // Taarnet. En antologi. København, 1966. S.156.*

Х. Банг все же остается на почве реальной действительности, то К. Гьеллеруп погружается в мир сказки, в царство прекрасной мечты, в мир вечной красоты»¹.

Среди писателей, вышедших из «старого натурализма», главную роль Йоргенсен отводит Й.П. Якобсену. В современной датской литературе Й.П. Якобсен – непревзойденный мастер слова, великолепный стилист, развивший датский язык до высокого совершенства. Для молодых датских писателей его произведения, по словам Йоргенсена, «служат недостижимым образцом художественного мастерства».

Признавая бесспорные заслуги Г. Брандеса, Й.П. Якобсена, Х. Банга, К. Гьеллерупа, Йоргенсен тем не менее не видит в их числе ни одного писателя, на чьи традиции могли бы опереться молодые собратья по перу. Даже Й.П. Якобсен, наиболее выдающийся из зачинателей «прорыва», «не может служить примером и вдохновлять молодых», поскольку не удовлетворяет их интересам и художественным устремлениям. Молодых поэтов и прозаиков 1890-х гг.: В. Стуккенберга, С. Клауссена, С. Михаэлис, Х. Роде – Йоргенсен называет потомками Нильса Люне во втором колене. От младших участников «Современного прорыва» они научились одному – «не воспламеняться более той действительностью, которую их слабая воля не в силах подчинить и которая, если ее познать до конца, может быть, того и не заслуживает»².

Еще более решительный отказ следовать традициям «Современного прорыва» звучит в небольшой статье о Т. Ланге (опубликована в журнале «Башня» в декабре 1893 г.), авторе немногочисленных лирических стихотворений, который приобрел известность главным образом благодаря своей переводческой деятельности. Т. Ланге вызывал раздражение в кругах датских радикалов. В их глазах его консервативные политические взгляды перечеркивали заслуги талантливого посредника славянской, прежде всего русской, культуры в скандинавских странах³. Но полемический запал статьи Йоргенсена заключался не в том, чтобы оттенить эту сторону его литературной деятельности. Поэтическое имя Ланге, воспринимающего жизнь как «пучину греха и смерти», мечтающего о «покое и искуплении», которые открываются ему «в видениях потустороннего мира», Йоргенсен ставит в ряд «тех немногих имен в датской литературе двух предшествующих десятилетий, с которыми молодые писатели должны были ощутить свое внутреннее родство»⁴.

Поэтическое искусство, отвечающее духовным запросам молодых датских писателей, Йоргенсен находит в зарубежной литературе, в первую очередь в поэзии французских символистов. Творчеству Бодлера, Верлена и Малларме он посвящает большие статьи в журнале «Зритель» в 1891–1893 гг. В них акцентируется внимание в основном на мировоззренческих, а уже потом на художественных аспектах их творчества. Йоргенсен характеризует Бодлера как «гения, который, взывая к совести, внушает тем самым мысль о чистоте», как «борца против духа наживы, царящего в современном обществе»⁵. И Бодлер и Верлен для него являются собой «типичный в XIX столетии пример душевной расщепленности, вечного спора между духом и плотью, христианской чистотой и языческой чувственностью»⁶. В статье о Малларме Йоргенсен затрагивает и вопросы его символистской эстетики. «Малларме стремится к созданию суггестивной и музыкальной поэзии.

¹ *Jorgensen J. Nutidens danske Litteratur. S. 157.*

² *Ibid. S. 158.*

³ См.: Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 37–40.

⁴ *Jorgensen J. Thor Lange // Taarnet. En antologi. Kobenhavn, 1966. S. 47.*

⁵ *Jorgensen J. Charles Baudlaire // Jorgensen J. Udvalgte værker. Bd. VI. Kobenhavn, 1915. S. 27.*

⁶ *Jorgensen J. Paul Verlaine // Jorgensen J. Udvalgte værker. Bd. VI. København, 1915. S. 91.*

Он жаждет слова, выражающего духовное, сущностное содержание... Он отказывается сравнивать, предоставляя это читателю, как только тому откроется содержание символа»¹, т. е. отмечает приверженность французского поэта искусству суггестивному, пробуждающему творческую фантазию читателя.

Однако было бы неверно слишком преувеличивать ту роль, какую сыграл французский символизм в становлении творчества Йоргенсена и других датских писателей 1890-х гг. «Поэзия Бодлера и Верлена, – пишет датский исследователь О. Фрис, – воздействовала на молодых датских поэтов, как очистительная стихия. Она помогла им нанести сокрушительный удар описательному реализму и одновременно преодолеть воздействие избыточно-образного стиля Й.П. Якобсена. В то же время их творчество развивалось на основе более широкой национальной и зарубежной традиции»². В обращении Йоргенсена к французским поэтам-символистам помимо всего прочего был заложен и полемический смысл: ни Г. Брандес, ни его брат Э. Брандес, также участвовавший в литературной полемике, не придавали большого значения их творчеству. «Что было делать жизнерадостному доктору философии с несчастным парижанином, который чувствовал, как черви копошатся в его собственном сердце», – писал Йоргенсен об отношении к Бодлеру Г. Брандеса, считая само собой разумеющимся, что в его труде «Главные течения в европейской литературе XIX века» «для французского поэта не оказалось места»³.

Свой взгляд на новое направление в литературе Йоргенсен изложил в статье «Символизм», опубликованной в журнале «Башня» в декабре 1893 г. Если прежде острие критики Йоргенсена было направлено на негативные тенденции в литературе «Современного прорыва», то теперь он подверг безоговорочному осуждению его философские основы, естественно-научный материализм и рационализм. С едкой иронией Йоргенсен пишет о вождях радикально-демократического движения, которые, «замкнувшись в прочных границах позитивного знания», подорвали веру в высшую субстанцию и нанесли невосполнимый урон «естественной потребности человека в метафизическом». «Обитель духа сокрыта от современного человека. Нет существования вне повседневности, и ничего, кроме нее, согласно мнению новых правоверных, и быть не должно. Отныне человек заключен в совершенно определенные рамки материального, преходящего существования, а придет смерть – все будет кончено. Отсюда следует, что жизнь все более и более воспринимается как нечто ограниченное, упрощенное, будничное, чем осмеливаются торговать по своей воле и желанию. Кто помнит теперь, что жизнь есть чудо, загадка, святыня и прожить ее надо в благоговении? Недостаток морали в наше время объясняется недостатком внимания к метафизике»⁴.

Йоргенсен рассматривает символизм с точки зрения его философского, гносеологического содержания как полную противоположность материалистического подхода к действительности. «Зерном символизма, явления философского и художественного», он называет «веру в метафизику». «Здесь как раз и проходит граница, разделяющая реалистов, для которых достаточно одной действительности, и мистиков, вслед за Павлом верующих в то, что мы на земле познаем лишь *per speculum et in aenigmate* (через зеркало и догадку)»⁵.

¹ *Jorgensen J. Stephane Mallarme // Tilskueren. 1893. Aug. S. 9.*

² *Friis O. Halvfemsernes Lyrikere. Kobenhavn, 1964. S. 16.*

³ *Jorgensen J. Mit livs legende. Anden bog. Taarnet. Kobenhavn, 1916. S. 30–31.*

⁴ *Jorgensen J. Symbolisme // Taarnet. En Antologi. Kobenhavn, 1916. S. 56.*

⁵ *Ibid. S. 57.*

Поэтому символист призван не просто выразить свое субъективное, поэтически одухотворенное отношение к окружающему миру, но постичь его тайную суть, ощутить всеобщую трансцендентную реальность на основе пантеистической веры в вечное: «Художник интуитивно приходит к пониманию истинной сути бытия. Он чувствует свою связь с природой, а за кажущимся равнодушием вещей угадывает родной мир, в котором его дух имеет вечное право подданства. Истинный художник поэтому обязательно символист. За бренными предметами дух его распознает вечность, порождением которой он сам и является»¹.

Для Йоргенсена не подлежит сомнению, что мировоззрение и творчество художника связаны неразрывной нитью. Суть эстетики символизма, предполагающего за наблюдаемой действительностью действительность духовную или метафизическую, он объясняет следующим образом: «Исходный пункт этой эстетики можно определить, воспользовавшись репликой Амьеля: “Пейзаж – это состояние души”». «На первый взгляд, – продолжает Йоргенсен, – здесь высказано бесспорное мнение, что глаза видящие и душа чувствующая влияют на впечатления человека. Однако в более глубоком смысле это выражение скрывает в себе одну из основополагающих истин символизма»². Поэтому вслед за Бодлером Йоргенсен наделяет художника-символиста даром прозрения, гениальной способностью «за оболочкой иллюзорной реальности» увидеть «вечную действительность». Воссоздавая видения, явившиеся в момент святого творческого экстаза, художник создает и свой образный язык, который «с помощью земных иероглифов выражает вечное». Разумеется, этот язык далек от совершенства. Величие своих представлений художнику не дано выразить в полной мере. Поэтому символистское искусство суггестивно, загадочно, таинственно, неясно.

В конце статьи Йоргенсен замечает, что готов принять в свой адрес обвинение в мистицизме, поскольку «истинное мировоззрение не может не быть мистическим». «Жизнь глубока, – пишет он, – и только поверхностным умам этого не понять»³.

Йоргенсен был убежден, что искусство символизма, основанное на религиозно-мистических представлениях, на вере в иной, потусторонний мир, призвано стать «подлинным искусством», в корне отличным от натурализма 1870–1880-х гг., для которого, по словам Г. Брандеса, «исходный пункт» следовало брать «во всеобщей природе, а не в догматическом сверхъестественном»⁴. И хотя натурализм понимался Г. Брандесом исключительно широко, «с тем лишь ограничением, что в его основе «заложено верное изображение природы и общества»⁵, ограниченность взглядов критика казалась Йоргенсену очевидной, ибо «его натурализм отрицал веру в метафизику»⁶. Тем самым Йоргенсен считал для себя возможным пренебречь опытом «Современного прорыва» и установить генетическую связь между символизмом и религиозно окрашенным творчеством датских романтиков: Б.С. Ингеманна, Ф. Палудана-Мюллера и др.

В художественных произведениях Йоргенсена символистского периода (поэтические сборники «Настроения», 1892; «Исповедь», 1894; романы «Чужой», 1890; «Лето», 1892; «Дерево жизни», 1893; «Тоска по дому», 1894) отразилась происходившая в нем напряженная борьба между привлекавшим и одновременно

¹ *Jorgensen J. Symbolisme. S. 57.*

² *Ibid. S. 58.*

³ *Ibid.*

⁴ *Brandes G. Det moderne Gjennembruds Maend. København, 1883. S. 398.*

⁵ *Ibid. S. 398.*

⁶ *Jorgensen J. Symbolisme. S. 59.*

отталкивающим его своими моральными последствиями декадансом и стремлением обрести прочные нравственные ценности, декадансу противостоящие.

Борьба между декадансом и стремлением к христианским ценностям пронизывает символистскую лирику Йоргенсена. В сборнике стихов, лирико-прозаических этюдов, фрагментов и пейзажных зарисовок «Настроения» (1892) звучат мотивы одиночества, тоски и разочарования. Поэт мечтает о том, чтобы «сбросить оковы повседневности», «умчаться прочь от жалкой, будничной суеты». Он хочет устремиться в небеса вместе с птичьими стаями («Дикие гуси») или уединиться на необитаемом острове в Тихом океане («Остров»). Его страшит угроза тайных роковых сил («Виньетка», «Августовская ночь», «Ручей», «Октябрьская ночь»). Мрачные сумерки, шум дождя в серой промозглой тьме, густые облака, застилающие луну и звезды, будят в нем страх и отчаяние. В поэтических картинах ночного ненастья, разгула природной стихии раскрывается лирическое «я» поэта, его особое избранничество и одиночество в мире.

В стихотворении «Лето» сходятся главные темы сборника и намечается перспектива разрешения конфликта. Угадывая за природно-чувственными явлениями вечную жизнь, поэт мысленно устремляется к ней и освобождается от всего бренного и преходящего. Он молит Бога наполнить его сердце мужеством, чтобы возродить утраченную веру.

Вершина символистской лирики Йоргенсена – сборник стихов «Исповедь» (1894), окрашенных глубоким религиозным чувством. Окружающий мир важен в них не сам по себе, а как символ душевного состояния поэта, устремленного к вечным ценностям бытия. В картинах осеннего ненастья, зимней ночной оттепели, вечерних сумерек поэт выражает свои сомнения и страхи, его мучит мысль о бренности жизни, любви («Одиночество», «Зима», «Зимние сумерки»). Поэта преследуют странные видения. Ему снится, будто он бредет по пустынному лесу, прислушиваясь к шуму дождя, и сердце его сжимает страх. Но и наяву, под лучами солнца, страх не оставляет его душу. Как наваждение его преследует одна и та же картина: угрюмый вид лесной просеки под осенним дождем («Осенний сон»). Его внутреннему взору открывается угнетенное состояние человека, утратившего смысл бытия.

Одолев тревоги и сомнения поэт обретает его на пути к Богу. Слова «Бог», «Вечность» звучат в центральном стихотворении сборника «Исповедь», которое как бы комментирует жизненный выбор поэта. Два чувства борются в его душе, два «голоса» слышит он: «исступленные звуки скрипок» – голос земной страсти и тихую мелодию вечности – глас Бога. Напрягая душевные силы, поэт отказывается от мирских соблазнов и отдает себя в руки Бога, всемогущего и справедливого, чья обитель «светла и чиста, как песнь соловья или жаворонка».

В последнем стихотворении сборника «Я исповедуюсь» поэт кается в грехах перед девой Марией, взывая к ее милосердию. В ее руки он отдает «свою кровотокающую душу», умоляя «спасти ее от мрака смерти».

В прозаических произведениях Йоргенсен порывает с традициями «объективного» искусства и создает искусство субъективно-психологическое, исповедальное, ставящее акцент на исследовании роли иррационального начала в жизни человека. В романах «Чужой» (1890), «Лето» (1892), «Дерево жизни» (1893), «Тоска по дому» (1894) он создает трагический образ потерпевшего жизненное поражение и замкнутого на своих внутренних переживаниях героя. Андерс в «Чужом», Олуф в «Лете», Оге в «Дереве жизни», Глоб в «Тоске по дому» мечтают о счастье,

гармонии жизни, но не находят ничего, кроме горечи и одиночества. Любовное опьянение сменяется в них ощущением пустоты и разочарования. Их судьбы складываются в соответствии с ницшевской формулой «вечного возвращения». «Оглядываясь мысленно на прожитые годы, легко замечаешь, что жизнь – это повторение одних и тех же страданий», – произносит Олуф в «Лете», раскрывая перед читателем внутреннюю драму своей жизни. От героев европейского символизма рефлектирующие герои Йоргенсена отличаются лишь тем, что на их отношение к окружающему миру накладываются сильный отпечаток так и неизжитые до конца мечты и иллюзии их юности.

По мере развития творчества писателя в духовном облике его героев появляются новые черты. В них зреет чувство вины, раскаяния. Оге в «Дереве жизни» с горечью осознает пустоту своей жизни и начинает задумываться над тем, чтобы наполнить ее нравственным содержанием. Глоб в «Тоске по дому», устав от бесцельных блужданий, возвращается в отчий дом и находит там счастье с девушкой, с которой был дружен с детских лет.

Борьба с декадансом за обретение непреходящих ценностей разрешилась обращением Йоргенсена в 1896 г. в католическую веру. Это означало разрыв не только с датским символистским движением, но и с традициями национальной культуры в целом. В романах «Ложь и правда жизни» (1896), «Судный день» (1897; русский перевод 1910), «Датская мадонна» (1898) и в других произведениях второй половины 1890-х гг. Йоргенсен ищет путь к спасению в подчинении авторитету католической церкви.

В период с 1896 по 1953 г. писатель большую часть времени проводит за пределами Дании, главным образом в Италии. В 1922 г. его избирают почетным гражданином города Ассизи, а в 1936 – родного города Свенборга. Все эти годы Йоргенсен напряженно работает. Он создает множество книг путешествий и мемуаров («Римская мозаика», 1901; «Книга пилигрима», 1903; «Путешествие в Иерусалим», 1923 и др.), но главные его достижения тех лет – религиозные сочинения, в том числе прославившие его имя в католическом мире: «Святой Франциск Ассизский» (1907), «Святая Екатерина Сиенская» (1915), «Святая Биргитта Вадстенская» (1941–1943). На родину Йоргенсен возвращается незадолго до смерти, в 1953 г.

Символизм для Йоргенсена, в отличие от других участников движения, был, таким образом, не только эстетической теорией, акцентирующей роль субъективного личностного начала в искусстве (С. Клауссену, например, поэт-символист представлялся «вдохновенным пророком», способным выразить «темную и удивительную взаимосвязь вещей»¹; В. Стуккенберг свое творческое кредо сформулировал следующим образом: «Искренность, личное – альфа и омега поэзии»²), но в первую очередь основополагающим принципом познания, религиозно-философского восприятия мира. Йоргенсен был первым среди своих современников, кто сумел понять и объяснить причину возникновения у младших представителей «Современного прорыва» упадочнических настроений, увязав их с кризисом философского позитивизма. Однако выход из тупика «пессимистического натурализма и декадентской ненависти к жизни» он увидел только в религиозном обновлении. Весной 1894 г. Йоргенсен записал в своем дневнике: «Вопреки влиянию брандесианства сознание греховности во мне не умерло. Тот, кто служит добру, служит Богу. Тот, кто служит истине, служит Богу. Высшая красота, высшая прав-

¹ Bergstrom-Nielsen C. Omkring Taarnet // Taarnet. En Antologi. København, 1966. S. 15.

² Friis O. Halvfemsernes Lyrikere. S. 22.

да, высшее добро достигаются через постижение Христа»¹. Этими словами он подвел черту под периодом краткого, но интенсивного духовного и творческого развития – от конца 1880-х до середины 1890-х гг. – от радикально-демократических убеждений юности через пантеизм, веру в вечное, питавших его символистское искусство, к специфически христианскому образу мышления с присущей ему системой духовно-нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Шарынкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. 220 с. / Sharypkin D.M. (1975) Russian Literature in the Scandinavian Countries. Leningrad. 220 p.

Beyer H. Nietzsche og Norden. Bergen. 1959. Bd. 1–2. 258 S.

Bergstrom-Nielsen C. Omkring Taarnet. In: Taarnet. En Antologi. København. 1966.

Friis O. (1964) Halvfemsernes Lyrikere. København. 270 S.

Jorgensen J. (1916) Mit livs legende. Forste bog. Den røde stjerne. København. 1916. 199 S.

Jorgensen J. (1916) Mit livs legende. Anden bog. Taarnet. København. 112 S.

Rimestad Chr. (1922) Fra Stuckenbergs til Seedorf. København. 1922. 136 S.

Skyum-Nilsen E. Johannes Jorgensen. In: Danske digtere i det 20. aarhundrede. København. 1980. Bd. 1.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandr V. Sergeev,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru

¹ *Jorgensen J.* Mit livs Legende. Anden bog. Taarnet. København, 1916. S.100.